10 лет без СССР

В рамках рубрики «10 лет без СССР» газета «Известия» сегодня заканчивает публикацию отрывков из книги воспоминаний Анатолия Смелянского «Уходящая натура» (начало см. в № 135 от 28 июля, № 137 от 1 августа, № 144 от 10 августа, № 147 от 15 августа и № 154 от 24 августа). В предлагаемом читателю фрагменте речь идет о поставленном в 1987 году Олегом Ефремовым спектакле «Перламутровая Зинаида». Спектакль замышлялся и «строился» как этапный. Он должен был знаменовать начало новой жизни разделенного МХАТа в отремонтированном здании в Камергерском переулке.

Перестройка уже набирала обороты. Казалось, что с драматическим прошлым люди культуры прощались навсегда. Им хотелось это сделать весело и непринужденно. Но ни то, ни другое не удалось. Расставания столь же драматичным. Да оно и по сию пору продолжается. Возможно потому, что будущее в 1987 году мы представляли всего лишь позитивом с негативом нашего настоящего.

Полностью книга выйдет осенью этого года в издательском доме «Искусство».

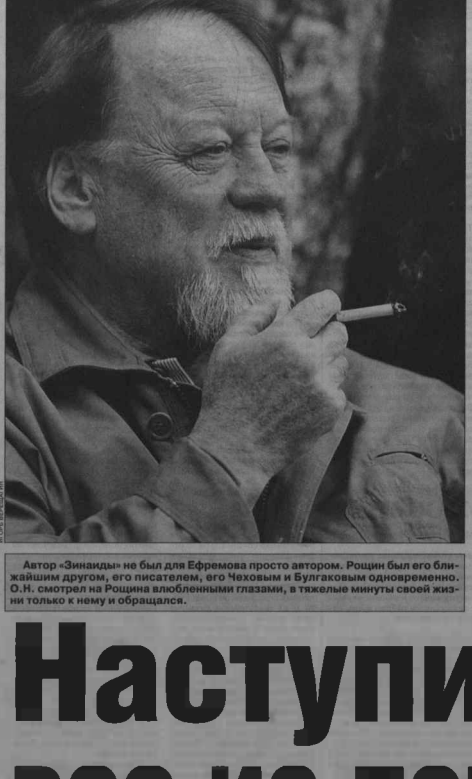

ФОТО: ВЕРБЕЦКИЙ

Автор «Зинаиды» не был для Ефремова просто автором. Рощин был его ближайшим другом, его писателем, его Чеховым и Булгаковым одновременно. О.Н. смотрел на Рощина влюбленными глазами, в тяжелые минуты своей жизни только к нему и обращался.

Наступило утро все из перламутра

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

Советский сатирикон

Михаил Рощин среди мхатовских авторов был самым американизированным. Он изъяснялся по-английски, бывал в Штатах тогда, когда я еще мечтал оказаться в Болгарии. В Хьюстоне знаменитый хирург Майкл Дебейки вставил Мише американское клапан в его слабенькое сердце. И клапан этот работал превосходно, ничуть не убавляя им Мишиного жизнелюбия, ни его мягкого чудесного юмора. С американским клапаном в груди в начале 80-х Миша сочинил пьесу под названием «Перламутровая Зинаида». Русско-американская тема прошивала эту «Зинаиду» насквозь. Читку устроили чуть ли не ночью, чтобы было поменьше соглядатаев. Многие хохотали до упада: комедия была с пылу с жару, с уйной заполнивавшихся героев и словечек, с пьянящей носильщиком Колей-Володей, с какой-то безумной очаровательной американкой Пат, заболевшей Россией (тут же по году читки актеры быстренько распределяли роли, посматривая то на Вертинскую, то на Неженного, то на Евстигнеева). Пьеса была воспоминанием о 60-х годах, питалась воздухом несбывшихся надежд. Сюжет крутился вокруг издания какого-то прогрессивного экологического журнала, в котором все должно было быть по высшему счету, так, чтобы удивить Нью-Йорк и Париж. Страдательным центром пьесы был писатель Алдыхин, сильно смахивающий на Мишу Рощина. Писатель жил в коммуналке с тараканами, но в голове его бродили фантастические идеи и планетарные образы. Теперь можно сказать, что это был последний наш театральный сатирикон, созданный на закате советской цивилизации. Ефремов в пьесу влюбился и влюбившись, начал ее перестраивать.

Перестройка современной пьесы была коньком Ефремова. Что бы он ни ставил — Вампилова или Петрушевскую, Шатрова или Гельмана — все они так или иначе попадали в тиски его давильно-плавильной машины. Облюбованную пьесу он начинал изнутри прощивать, проверять и оправдывать. Он не над текстом работал, а над теми источниками, из которых пьеса была извлечена. Он пересказывал автору его пьесу так, как она могла бы сложиться, если бы не вовсилася непредсказуемости реальной жизни. Он менял сцены, сюжет, придумывал новые характеры, тут же проигрывал их изумленному и смятому драматургу. Его воображение и творческая вода часто совершенно подавляли авторов. Иногда это заканчивалось обидами, разрывом отношений, но ничто не могло поколебать его решимости. Казалось, что именно таким образом он ставил на Мишиного жизнелюбия, ни его мягкого чудесного юмора. С американским клапаном в груди в начале 80-х Миша сочинил пьесу под названием «Перламутровая Зинаида». Русско-американская тема прошивала эту «Зинаиду» насквозь. Читку устроили чуть ли не ночью, чтобы было поменьше соглядатаев. Многие хохотали до упада: комедия была с пылу с жару, с уйной заполнивавшихся героев и словечек, с пьянящей носильщиком Колей-Володей, с какой-то безумной очаровательной американкой Пат, заболевшей Россией (тут же по году читки актеры быстренько распределяли роли, посматривая то на Вертинскую, то на Неженного, то на Евстигнеева). Пьеса была воспоминанием о 60-х годах, питалась воздухом несбывшихся надежд. Сюжет крутился вокруг издания какого-то прогрессивного экологического журнала, в котором все должно было быть по высшему счету, так, чтобы удивить Нью-Йорк и Париж. Страдательным центром пьесы был писатель Алдыхин, сильно смахивающий на Мишу Рощина. Писатель жил в коммуналке с тараканами, но в голове его бродили фантастические идеи и планетарные образы. Теперь можно сказать, что это был последний наш театральный сатирикон, созданный на закате советской цивилизации. Ефремов в пьесу влюбился и, влюбившись, начал ее перестраивать.

Перестройка современной пьесы была коньком Ефремова. Что бы он ни ставил — Вампилова или Петрушевскую, Шатрова или Гельмана — все они так или иначе попадали в тиски его давильно-плавильной машины. Облюбованную пьесу он начинал изнутри прощивать, проверять и оправдывать. Он не над текстом работал, а над теми источниками, из которых пьеса была извлечена. Он пересказывал автору его пьесу так, как она могла бы сложиться, если бы не вовсилася непредсказуемости реальной жизни. Он менял сцены, сюжет, придумывал новые характеры, тут же проигрывал их изумленному и смятому драматургу. Его воображение и творческая вода часто совершенно подавляли авторов. Иногда это заканчивалось обидами, разрывом отношений, но ничто не могло поколебать его решимости. Казалось, что именно таким образом он ставил на Мишиного жизнелюбия, ни его мягкого чудесного юмора. С американским клапаном в груди в начале 80-х Миша сочинил пьесу под названием «Перламутровая Зинаида». Русско-американская тема прошивала эту «Зинаиду» насквозь. Читку устроили чуть ли не ночью, чтобы было поменьше соглядатаев. Многие хохотали до упада: комедия была с пылу с жару, с уйной заполнивавшихся героев и словечек, с пьянящей носильщиком Колей-Володей, с какой-то безумной очаровательной американкой Пат, заболевшей Россией (тут же по году читки актеры быстренько распределяли роли, посматривая то на Вертинскую, то на Неженного, то на Евстигнеева). Пьеса была воспоминанием о 60-х годах, питалась воздухом несбывшихся надежд. Сюжет крутился вокруг издания какого-то прогрессивного экологического журнала, в котором все должно было быть по высшему счету, так, чтобы удивить Нью-Йорк и Париж. Страдательным центром пьесы был писатель Алдыхин, сильно смахивающий на Мишу Рощина. Писатель жил в коммуналке с тараканами, но в голове его бродили фантастические идеи и планетарные образы. Теперь можно сказать, что это был последний наш театральный сатирикон, созданный на закате советской цивилизации. Ефремов в пьесу влюбился и, влюбившись, начал ее перестраивать.

Государственный ритуал

«Зинаида» была именно в том ряду. Но более неподходящей пьесы для начала 80-х нельзя было и придумать. Война в Афганистане, московская Олимпиада, на которую американцы не приехали, а вслед за ними — и поляки отказались. И тут МХАТ СССР им. Горького предлагает какую-то комическую утопию на тему неизбежной дружбы русских и американцев, которым никуда друг от друга не деться.

В Минкультуры, прочитав пьесу, пришли в сторону. Месяца два молчали, а потом последовало приглашение к Демичеву на беседу. Передавали, что Петр Нилович был оскорблен самим фактом, что ему дали читать такую мерзкую пьесу. Поместив ее было обозначено, но никто из нас не сомневался, что речь пойдет о пьесе Рощина, вернее, о ее запрете. Были приглашены Ефремов, директор театра Ануров, Анатолий Иосифович Стеланова как парторг, я как завлит и Марк Исаакович Гительман, его Чеховым и Булгаковым одновременно. О.Н. смотрел на Рощина влюбленными глазами, в тяжелые минуты своей жизни только к нему и обращался. Незадолго перед уходом, чувствуя свои сроки, отправился в Переделкино к Рощину попрощаться. Миша стоял первым на этом листе ожидания. Как часто и бывает в настоящей мужской дружбе, они были на удивление разными. Рощин не занимал никакого официального места, он вышивал и вышучивал как только мог ефремовские опусы вроде «Сталевара» или «Так победим!». Один был из породы тараканов, другой — из тех, кого тараканили. Один был ведущим, второй — ведомым. Один хотел и мог говорить «о правах человека», другой любил писать ночные лейзаны с осколком разбитой бутылки, в которой отражается свет Луны. Один был вождем, второй — совсем скиф Тряпичкин. Легкий слог, юмор, скрытая лирика, романы с актрисами, безволие, шарм, больное сердце со вшитым американским клапаном, пристрастие к шампанскому, мужская солидарность... Ну, все, все притягивало Ефремова к Рощину. Если хотите, он помогал Ефремову очеловечивать МХАТ.

то навеяли ее партнеру и другу Ливанову образ «змеи чрезвычайного посла» (после премьеры пьесы «Чрезвычайный посол», где Стеланова играла Коллонтай). Марк Исаакович мало чего слышал, но терпеливо вольтировал в массовке.

Внезапно Петр Нилович прервал доклад о международном положении и обратил свой взор на Ефремова, который, как было сказано, сидел справа от него в какой-то неправильной позе. Поза-то и сбила с толку. О.Н. сидел в ней, как будто что-то там потерял. Это было явным нарушением порядка, и кандидат в члены ПБ отреагировал: «Олег, в что-то не то говорю?». Мгновенный ответ: «Нет, нет, все нормально». Петр Нилович продолжал, но Ефремов не изменил мизансцены. Он по-прежнему смотрел в пол, скорбно сосредоточившись на своей потере. Петр Нилович еще раз запнулся и еще раз вопросил, в чем дело. О.Н. по-актерски успокоил его жестом: мол, все нормально, я внимательно слушаю, продолжайте. Продолжать министр уже не мог. Ритм и чин ритуала были сорваны, и он решил перейти к другой теме, которая была уже в непосредственной близости к тайному смыслу всего разговора. Потасовав карточки, он выбрал нужную и произнес довольно торжественно: «Чехов сказал: в человеке все должно быть прекрасно — и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Анатолия Иосифовича чуть изогнутая шея и выдвинутая вперед голову в знак согласия, директор тут же записал в книжечку услышанную как бы впервые мудрость. И вот тут-то без всякой видимой причины Ефремов взломал архитектуру беседы: «Чехов этого не говорил». Это уже было не нарушение чина — это был скандал. Вспарилась гробовая тишина, и в этой тишине Марк Исаакович, не уловив реплики, громко вопросил как бы всех сразу: «Что он сказал?» (имея в виду Ефремова, конечно).

Демичев по-детски изумленно рассматривал поверхность стола, по-прежнему не поднимая глаз. Тот, видимо, был потрясен до штиля и поклал шефу красноречивый жест всем телом, означавший только одно: цитата повелена, «мин нетъ». Потом вынул из внешнего кармана пиджака маленькую расческу, вложил ее в лапку и привел в порядок чуть растрепанные волосы. Получив подкрепление, химик и министр произнес во второй раз уже директивно: «Чехов сказал...» и тут Ефремов пошел на «вы» и вновь ответствовал: «Чехов не говорил». Дабы не прекратил писать, головка Анатолия Иосифовича совершенно исчезла в глубине туловища. Ефремов сделал свое дело: нарушил слуховой аппарат, как бы занявшись важным делом.

Безмолвная перекрестная дуэль взглядов, тупое молчание, которое Ефремов наконец разрядил. Это, мол, не Чехов сказал, а доктор Астров. Пришла очередь торжествовать химику и саблезубому: «Ну какая разница!». Обе даже руками всплеснули от возмущения и гордости. Ефремов, казалось, только этого и вспеска и ждал. Последовал немедленный разящий удар: «Разница огромная, я хорошо знаю роль Астрова и знаю, например, другие его слова: «Обыкновенно я напиваюсь так один раз в месяц. Когда бываю в таком состоянии, то становлюсь нахальным и наглым до крайности... И в это время у меня свои собственные философские системы, и все вы, бывшие представляетесь мне такими букашками... микробами».

В грробовой тишине Петр Нилович перетасовал карточки, нашел необходимую и произнес уже совсем слабым, но от этого еще более зловещим голосом: «Да, Олег Николаевич, проблема пьянства — это серьезнейшая социальная проблема». Директор пометил что-то в блокноте. Анатолия Иосифовича выглянула из самой сейф и изогнула изумленную шейку в сторону О.Н., Марк Исаакович угрозы не рассушал и продолжал бдительно улыбаться.

Ефремов выиграл — если не вчистую, то по очкам. После позора с чеховской цитатой беседовать о пьесе Рощина или запрещать ее кандидат в ПБ не захотел. Разгонор был скомкан, а мы — отпущены восвояси.

Премьера

«Перламутровую Зинаиду» Ефремов отстоял. Теперь он начал ее перекраивать и перестраивать. Это можно было предвидеть. Непредвиденным было то, что перестраивать начнут всю страну. Химика вывели на пенсию, саблезубого зайчика взяли в отдел культуры ЦК, но саблю вместе с зубами запретили употреблять. Евгений Владимирович мгновенно сориентировался и пошел впереди прогресса. Именно он возглавил эксперимент, который даровали театрам СССР в 1986 году: сами, мол, теперь решайте, какую пьесу ставить и когда ее выпускать. Началась словесная эйфория. На журнальные страницы без разбора кучей вывалили всякую ерунду. Хрупкое сочинение Миши Рощина, которое все и держалось на советском фу-фу, на полузапретных шутках, на полузапретном юморе, разваливалось на глазах. Надо было бы оставить пьесу в покое — как историческую реликвию. Но это был бы не Ефремов. Он беспрерывно фонтанировал новыми идеями и предложениями, которые бедный Михаил Михайлович пытался старательно выполнять. Каждое улучшение пьесы оказывалось одновременно ее разрушением. Вместо рощинского героя, слабовольного фантазера ни рыба ни мясо, Ефремов подставил самого себя, сыгранного, то стаскивая другого материала. Он подменил лирический субстрат рощинской истории и в конце концов доказал свои силы и играть героя. Он замучил пьесу своей любовью.

К тому же в процессе перестройки в голову О.Н. пришла несчастная идея сочинить нечто вроде мюзикла. Он вдруг вспомнил, что именно в таком жанре работорговал режиссером в одна тысяча девятьсот пятьдесят пятом году в Центральном детском, поставив «Химку-невидимку». Где Химка, где Зинаида — он уже не различал. Пьеса Рощина попадала не меня до

ФОТО: ВЕРБЕЦКИЙ

В гробовой тишине Петр Нилович *(Демичев — бывший министр культуры, член Политбюро ЦК КПСС)* перетасовал карточки, нашел необходимую и озвучил ее совсем слабым, но от этого еще более зловещим голосом: «Да, Олег Николаевич, проблема пьянства — это серьезнейшая социальная проблема».

ФОТО: ВЕРБЕЦКИЙ

«Наступило утро все из перламутра» — пели в нашем мюзикле. Перламутра не было, а был скрипучий провал. Его последствия не замедлили сказаться. Про ближайших актеров, которые перекочевали в больницу на Парковой улице он коротко бросит: «Они меня предали».